

Хоружая Светлана Владимировна

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры истории и политологии
Кубанского государственного аграрного
университета имени И.Т. Трубилина

Салчинкина Ангелина Ростиславовна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и политологии
Кубанского государственного аграрного
университета имени И.Т. Трубилина

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБРАЗА ГЕРОЯ-КАЗАКА В ГОДЫ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация:

В экстремальных условиях происходит активация архетипов, которые представлены в массовом сознании посредством архетипических образов. Во время войны наиболее востребован образ героя, который наделен как универсальными признаками, так и национально-культурными особенностями. В процессе героической символизации часто используется архетип «смерть – возрождение». В годы Кавказской войны популярным стал образ героя-казака, отсылающий к реальным прототипам – казачьим генералам Н.П. Слепцову, Я.П. Бакланову, Ф.А. Круковскому. Архетипичный по сути народный фольклор придавал им не только стандартные характеристики архетипа героя, но и специфические – воинскую доблесть и преданность вере, государю и родине. «Символическое возрождение» казачьих генералов осуществлялось через публичное признание их военных заслуг официальной властью.

Ключевые слова:

архетип, образ героя, процесс символизации, образ смерти, «символическое возрождение», линейное и черноморское казачество, казачьи генералы, Кавказская война.

Khoruzhaya Svetlana Vladimirovna

D.Phil. in Philosophy,
Professor, History
and Political Science Department,
Kuban State Agrarian University

Salchinkina Angelina Rostislavovna

PhD in History,
Assistant Professor,
History and Political Science Department,
Kuban State Agrarian University

THE ARCHETYPAL GROUNDS OF THE COSSACK HERO IMAGE DURING THE CAUCASIAN WAR

Summary:

In the extreme conditions there is reinforcement of archetypes, which are represented by archetypal images in the public consciousness. During a war the most popular is the image of a hero, who has both universal features and national and cultural peculiarities. In the process of heroic symbolization, the archetype of "death – rebirth" is often used. During the Caucasian war the image of Cossack hero became popular, referring to actual prototypes – Cossack Generals N.P. Sleptsov, Y.P. Baklanov, F.A. Krukowsky. The archetypal folklore gave them not only universal features of hero archetype, but also specific signs, such as martial prowess and loyalty to the faith, the sovereign and the homeland. "Symbolic rebirth" of Cossack generals was carried out through public recognition of their military merits by the official authorities.

Keywords:

archetype, image of a hero, process of symbolization, image of death, "symbolic rebirth", Line and Black Sea Cossack Hosts, Cossack generals, Caucasian war.

Выдающийся швейцарский исследователь Карл Густав Юнг в теории архетипов постулировал существование в психике человека коллективного бессознательного. В отличие от индивидуального бессознательного, которое формируется личным опытом, коллективное представляет собой наследуемый совместный опыт человечества в форме архетипов.

По Юнгу, любые архетипы, находящиеся в основе индивидуальной психики, начинают функционировать там, где еще не существует сознательных понятий или где таковые по внутренним или внешним основаниям вообще невозможны [1, с. 459]. Как правило, бессознательное оживление происходит под воздействием кризиса личной или общественной жизни. К подобным экстремальным ситуациям можно отнести любую войну, в ходе которой активируются архетипы, стимулирующие некую модель поведения и делающие психику восприимчивой к определенной информации. В военных условиях из глубин бессознательного наиболее часто всплывает архетип героя, с одной стороны, наделенный универсальными признаками, а с другой, имеющий национально-культурные особенности.

Согласно Юнгу, герой обладает экстравертной логикой, имеет потребности в постоянных сражениях и победах. Одни из основных черт этого архетипа – полная самоидентификация со своим народом и самопожертвование ради общего благого дела. Герои вступают за тех, кого считают беззащитными. По Юнгу, коллективное бессознательное может быть выражено в мас-

совом сознании посредством некоторых проявлений, а именно в общечеловеческих первообразах – архетипах. У разных народов в разное время они могут значительно колебаться в деталях, при этом не теряя базовой универсальной схемы. В русской культуре в архетипе героя силен аспект воина, поэтому изначально образы героев были представлены богатырями и князьями-воинами. Со временем к ним добавились солдат и казак.

В XIX в. линейные и черноморские казаки играли важную роль в защите южных рубежей Российской империи, охраняя Кавказскую оборонительную линию от устья Терека до устья Кубани. Именно поэтому образ героя-казака стал популярным в годы Кавказской войны, отразившись в фольклоре черноморцев и линейцев. Народное творчество по сути архетипично, поэтому исторические казачьи песни, повествующие о стычках с горцами, представляют особый научный интерес. В них зафиксированы не только конкретно-исторические события, но и архетипы, которые проецируются в образы.

Героический образ казака времен Кавказской войны вобрал в себя универсальные признаки архетипа героя – отвагу, справедливость, размах поступков, самопожертвование, стремление защитить общественные интересы. В то же время их особое отношение к вольной жизни, военный долг и преданность воинской службе сказывались на ценностных предпочтениях, формировавших специфический образ героя-казака. Военный долг у казаков был тесно связан с их верой – важнейшей мотивацией их служения Отечеству и государю. При этом в XIX в. в казачьей системе ценностей главенствовала личная преданность православному царю и только в экстремальных условиях войны казаки начинали идентифицировать себя с государством, олицетворением которого для них был самодержец.

Одним из основных художественных принципов казачьего фольклора является типизация, включающая изображение общенародного в обобщенном единичном. Как правило, в исторических песнях действует главный герой, а войско служит фоном для изображения его храбрости. В казачьих песнях враг всегда многочислен, о чем свидетельствует часто употребляемый эпитет «басурманская орда». Победы объясняются естественным превосходством в смекалке, воинской доблестью и Божьей помощью.

Ярко выраженной архетипической основой образа героя являются встреча со смертью и дальнейшее возрождение. Образ смерти используется как символ вечной жизни: погибая, герой жертвует собой во имя общего блага в борьбе с многочисленным противником. Однако за физической смертью героя всегда следует «символическое возрождение», базирующееся на архетипе победы добра над злом.

Созданные символы отсылают к реальным прототипам и их героическим подвигам, закладывая в массовом сознании определенный алгоритм действия в экстремальных ситуациях. В исторических песнях казачьи генералы Н.П. Слепцов, Я.П. Бакланов, Ф.А. Круковский приобретают обобщенные черты архетипического героя. Фольклор наделял их удивительной храбростью, нередко создавая невероятные рассказы и мифы. В казачьих частях бытовала легенда о так называемом «баклановском ударе», в которой Я.П. Бакланову приписывалась способность одним ударом шашки рубить горца пополам: «Это, братцы, пустыки, пустыки, / Мы поднимем здешних горцев на штыки. / Как увидим мы значки у татар, / Приготовим им баклановский удар» [2, с. 373].

В исторических песнях о начальнике Сунженской линии Н.П. Слепцове, командовавшем с 1845 г. казачьим Сунженским полком, и наказном атамане Кавказского линейного войска Ф.А. Круковском особое место отводится повествованию об их трагической гибели в сражении. Во время штурма Гехинского завала 10 декабря 1851 г. генерал Н.П. Слепцов, лично командуя центральной колонной, был смертельно ранен в грудь: «Как у нас во полку / Несчастье случилось: / Генерал Слепцов / Крепко раненый. / Перед ним стоят / Суньжанцы, младцы казаченьки, / Стоят они, слезно плачут» [3, с. 372]. Генерал Ф.А. Круковский был убит в бою с чеченцами 18 января 1852 г. в ауле Дуба возле укрепления Урус-Мартан. Несмотря на то что его ординарец – казак Толчаинов – сделал все, чтобы вывезти с поля боя еще живого командира, весь конвой был окружен противником и зарублен до смерти [4, с. 109]: «Князь на сырой земле лежал, / Громким голосом кричал: / "Уж вы слуги, мои братцы, / Вы суенцы-молодцы! / Не покиньте мое тело / На поругу подлецам, / Отнесите мое тело / Вы во крепость Мартанску, / Помяните вы, суженцы, / Что я был ваш Крюковец, / Ровно ваш родной отец!"» [5, с. 190–191].

Как уже говорилось, образ героя бессмертен, поэтому за физической гибелью должно следовать «символическое возрождение». В случае с героизацией подвига Н.П. Слепцова герой вернулся к жизни через публичное признание его военных заслуг российскими императорами. По приказу Николая I станица Сунженская была переименована в Слепцовскую, а 28 мая 1852 г. имя генерала было выбито на черной мраморной доске в церкви Николаевского кавалерийского училища.

Схожим образом было увековечено и имя генерала Ф.А. Круковско. В 1902 г. по приказу Николая II оно было присвоено 1-му Горско-Моздокскому конному полку Терского казачьего войска, на месте гибели Круковского воздвигнут мемориал в виде большого чугунного креста на пьедестале из белого камня.

В процессе символизации образов героев Кавказской войны существенную роль играла живопись. В конце XIX в. известному художнику-баталисту Ф.А. Рубо военное министерство заказало 17 полотен для «Храма славы» в Тифлисе. Все они должны были изображать важнейшие с официальной точки зрения события присоединения Кавказа. Среди таковых была «Смерть Слепцова 10 декабря 1851 г.» [6, с. 357]. «Воскрешали» героев и казацкие песни, в которых сохранились рассказы о подвигах генералов: «Вспомним, братцы, про Слепцова, / Память храброго почтим. / И минуты наслажденья / Хоть на миг мы возвратим» [7, с. 17].

Традиционно деятельность казачьего генерала измерялась прежде всего сквозь призму национальных интересов. Служение царю и государству являлось главным критерием в оценке героя со стороны и официальных властей, и народной традиции. В связи с этим в массовом сознании герой всегда воспринимался как истинно русский человек, поскольку выступал в глазах воинства в качестве защитника Отечества и православия. Кавказская война полна примеров, когда казачьих генералов народ причислял к своей этнической или конфессиональной группе. Например, генерал Ф.А. Круковский, «из дворян Гродненской губернии» католического вероисповедания, в сознании казачества был таким же русским, как и они.

Таким образом, для казаков длительный период войны на Кавказе был героической эпохой, которая отразилась в песнях, не только передававших ход исторических событий, но и прославлявших имена отличившихся. Для образа героя-казака наиболее свойственными стали такие характеристики, как чувство долга перед верой, Отчизной и царем. Образ героя, будучи плодом социокультурного мифотворчества, формировался либо фольклором, либо официальными властями. При этом «спущенные сверху» героические образы казачьих генералов становились популярными в народе, о чем свидетельствуют многочисленные исторические песни. В то же время «рожденные в массах» образы получали подкрепление со стороны официальной пропаганды.

Ссылки:

1. Юнг К.Г. Психологические типы. М., 1996.
2. Русская историческая песня / под ред. Л.И. Емельянова. Л., 1990.
3. Там же. С. 372.
4. Липатов В. «Взвейтесь, соколы, орлами...». Песни, рожденные в отрогах Кавказа // Родина. 1996. № 3, 4.
5. Исторические песни XIX века. Л., 1973.
6. Садовень В.В. Русские художники-баталисты XVIII–XIX вв. М., 1955.
7. Бигдай А.Д. Песни кубанских казаков. Т. 2 : Песни линейных казаков. Краснодар, 1995.

References:

- Bigday, AD 1995, *The songs of the Kuban Cossacks*, vol. 2: *Songs of linear Cossacks*, Krasnodar, (in Russian).
Historical songs of the XIX century 1973, Leningrad, (in Russian).
Jung, CG 1996, *Psychological Types*, Moscow, (in Russian).
Lipatov, V 1996, "'Soar, falcons, eagles ...". Song, born in spurs of the Caucasus', *Rodina*, no. 3, 4, (in Russian).
Sadoven, VV 1955, *Russian battle painter XVIII-XIX centuries*, Moscow, (in Russian).
Yemelyanov, LI (ed.) 1990, *Russian historical song*, Leningrad, (in Russian).